

Глубокая ночь. Район Цзянцю города Чанъянь.

Будучи самым престижным районом Чанъяня, Цзянцю задавал планку: состояние семей, проживающих здесь, начиналось от миллиона, а верхнего предела не существовало вовсе. Весь район был спланирован вокруг извилистой реки Цюйцзян, от которой слоями расходились жилые кварталы. Чем дальше от центра, тем дешевле и теснее становилось жилье. А вокруг самой реки высились роскошные особняки. Обычные виллы были доступны просто богатым купцам, но для особняков рангом выше требовался особый статус. Те, кто жил здесь, обладали правом голоса, к которому прислушивался весь Чанъянь.

Стояла ясная, тихая ночь. Луна ярко сияла на небосводе, редкие звезды мерцали в вышине. Легкий ветерок рябил поверхность реки Цюйцзян, заставляя покачиваться ветви плакучих ив на берегу. Полная луна отражалась в воде, и от этого стены прибрежных особняков казались подернутыми зыбкой водной рябью. Повсюду патрулировали бдительные охранники — крепкие, полные сил мужчины. Свет фонариков метался в темноте, словно светящиеся трости. Охранники непрерывно докладывали по рациям о безопасности периметра.

Но они никогда не увидят, что прямо сейчас на берегу реки стоит человек.

Это был уровень, недоступный взору смертных. Его могли видеть лишь те, кто практиковал духовные искусства, или же духи и божества. Лю Цзюнь смотрел на реку Цюйцзян, и в душе его невольно всколыхнулось поэтическое вдохновение. Увы, талантом к стихосложению он не обладал. Будь здесь Вэй Инъу, он бы наверняка выдал пару строк. А Лю Цзюнь мог лишь констатировать, что луна сегодня очень круглая, а вода в реке — очень чистая.

— Ишь, как славно живут богачи, даже глубокой ночью охрана ходит, — пробормотал Лю Цзюнь, оглядываясь на патрульных.

Еще сегодня утром он мечтал стать богатым. Но сейчас мирские деньги потеряли свою значимость. К тому же Преисподняя платит ему триста тысяч в месяц — на жизнь вполне хватит. Разве нет?

— Лю Гоцян, Лю Шаохуэй, дайте-ка посмотрю, где вы тут обосновались...

Лю Цзюнь принялся бормотать себе под нос, активируя Малую энциклопедию Преисподней. Пусть название звучало специфически, но она знала обо всем, что творится в мире живых. Найти любого смертного для нее было проще простого — все зависело лишь от прав доступа пользователя. К счастью, ранг Ходока между мирами, который получил Лю Цзюнь, как раз подходил.

Через мгновение энциклопедия указала путь. Лю Цзюнь поднял голову: дорога вела в самую глубь комплекса особняков.

— Энциклопедия... слишком уж по-детски звучит. Можно мне сменить тебе имя? — спросил Лю

Цзюнь, глядя на наручный гаджет.

— Разумеется. Я привязана к твоей душе как твоя личная энциклопедия, и ты имеешь полное право дать мне особое имя.

— Хорошо, отныне ты будешь Системой, — решил Лю Цзюнь.

Система — имя, до боли знакомое любому современному молодому человеку. Называть так справочник Преисподней было очень даже неплохо.

— Принято. С этого момента я — Система, — отозвалась энциклопедия.

Определившись с именем, Лю Цзюнь направился к особняку семьи Лю. В это время там разгорался нешуточный скандал.

Просторная гостиная была усеяна осколками стекла и фарфора, мебель перевернута, по полу разлилось дорогое вино. Место, которое должно было вызывать восхищение, сейчас напоминало помойку у обочины. Двое мужчин, отец и сын — Лю Гоцян и Лю Шаохуэй — стояли друг напротив друга, метая искры ярости. Между ними, заливаясь слезами, металась женщина.

— Лю Шаохуэй! Что я тебе говорил?! Я просил тебя вести себя тише! А ты? Не успел успокоиться, как снова вляпался в неприятности! Ты что, жить надоело?!

— Да как ты со мной разговариваешь?! Подумаешь, выпил и сел за руль! Разве это преступление? Лю Гоцян, не слишком ли ты разошелся из-за такой ерунды?!

— Ерунда?! Ты называешь это ерундой?! С тех пор как ты вернулся из-за границы, сколько раз тебя ловили пьяным за рулем?! Если бы я не вытаскивал тебя каждый раз, ты бы уже сгнил в тюрьме!

— Так отправь меня туда! Давай, отправляй! Посмотрим, хватит ли у тебя духу упечь за решетку единственного наследника рода Лю!

— Ах ты щенок! Клянусь, сегодня я пушу тебе кровь!

Лю Гоцян в ярости начал расстегивать ремень. Женщина бросилась к нему, рыдая:

— Старый Лю! Бей меня, если хочешь, только не трогай сына! Он еще глупый, ничего не понимает, это я, мать, его не досмотрела! Бей меня! Бей!

Гнев Лю Гоцяна лишь разгорелся сильнее. Он отшвырнул жену в сторону и рывкнул:

— Ты еще смеешь его защищать?! Посмотри, во что превратился этот щенок! Ты веришь, что я и тебя сейчас огрею?!

Он обмотал ремень вокруг руки и с силой ударил по воздуху. Раздался резкий хлопок, на дорогом деревянном шкафу остался черный след. Женщина снова бросилась к нему, умоляя успокоиться, но для Лю Гоцяна это было как масло в огонь. Не сдержавшись, он отвесил жене пощечину.

Хлесткий звук удара! У женщины из уголка рта потекла кровь.

Лю Шаохуэй взревел:

— Ты посмел ударить маму!

С этими словами он бросился на отца, и они сцепились в драке. Женщина в панике пыталась их разнять. В гостиной воцарился полный хаос. Хорошо, что звукоизоляция особняка была на высоте, иначе соседи уже давно бы стали зрителями этого позора.

Лю Цзюнь, уже прибывший на место, не ожидал такого зрелища. Он хотел лишь осмотреться, но попал на столь захватывающую сцену. Впрочем, это было даже к лучшему — отличный материал для записи.

Троица продолжала драться, выкрикивая шокирующие подробности: Лю Гоцян признавался, как покрывал изнасилования и убийства, совершенные сыном. Только здесь, в самом защищенном месте, они могли позволить себе говорить правду. Они и не подозревали, что невидимый свидетель снимает всё происходящее на камеру.

Хаос закончился, когда Лю Шаохуэй огрел отца тяжелой пепельницей, и тот потерял сознание. В комнате мгновенно воцарилась тишина. Женщина бросилась проверять дыхание мужа и, убедившись, что он жив, начала колотить сына. Тот молчал, покорно принимая удары. Вскоре женщина позвонила врачам — частная медицинская команда прибыла через считанные минуты, забрала Лю Гоцяна, и она уехала вместе с ними.

Лю Шаохуэй молча вернулся в свою комнату. Лю Цзюнь последовал за ним.

Лицо парня было мрачным, ярость все еще не утихла. Он сел за стол, достал из потайного отделения ящика пакетик с белым порошком и вдохнул его. Выражение лица тут же сменилось блаженством.

Лю Цзюнь, продолжая съемку, лишь подумал:

В этой стране за такие дела ты не просто труп — ты уже покойник.

<http://bllate.org/book/18504/1777820>